

*Неужели возможны здесь новые муки?
Я же плоть без души, я гнильё из гнилья!*

Ш. Бодлер

СОН

Неясная страшная сила
ведёт, оставляя без сил...

...затянута снегом могила
среди тысяч похожих могил;
и, кажется, солнце в тумане
невидимое тусклым днём,
уже никогда не проглянет
в блестящем сиянье своём;
и ветер — ноябрьский, тяжёлый
и мёрзлый, как зимний прибор, —
и эта сосна, леодоколом
идушая над тобой;
невидимый берег пустынен,
и вымерли города;
дорога усталой рабыней
бредёт неизвестно куда;
но проблеском — наважденье,
сияние в смутной дали,
как робкое эхо движенья
качнувшейся в небо земли...

...да было ль когда это? Полно!
проснувшийся словно в бреду,
ни сосен, ни ветра не помню,
ни щёк, онемевших во льду...

БОГ

Во мраке лет, веков, тысячелетий
лежит Твой взор. Молчат Твои уста.
Вселенная легла Тебе на плечи
предтечею голгофского креста.

Всегда один, всегда за всё в ответе,
сам узник, сам себе же и острог.
Нет спасу от несноснейших на свете
двуногих тварей, копошащихся у ног...

Что надо им? Их мелкие желанья
не переменят вечный ход времён.
Любой из них за жалкие страданья
заранее забвением прощён.

Но всё ж идут к Тебе, жгут свечи, души тянут
на цыпочках, слепцы в слепой ночи,
несут своё и просят беспрестанно...
Ну что же, взялся коль тащить, — тащи!

Тащи и помни — без Тебя напрасен
весь мир, от атома и до планет.
Твоею красотой он окрашен
и лишь Твоим присутствием согрет.

И пусть кружат века в надежде скудной —
сближенья нет в бессмысленной ходьбе.
И как же мудро, что всё так же трудно
хотя б на шаг приблизиться к Тебе!

Безвольно разметавшись под луной,
он нервно всхрапывал под арочные своды,
и вздрагивал, и взвизгивал струной
троллейбусной, и кашлял, как больной,
тугими сквозняками всех заводов,
и рык его, беззубый, как гобой,
во сне терзал все прожитые годы.

О бедный волк! О город бедный мой!

Поросший фешенебельной корой,
притон сквозь смрад сигарный и под вой
рогатого оркестра тяжким плодом
нёс золото зелёное горой.
С ощеренною президентской мордой,
вращая землю дьявольской звездой,
среди рабов своих, смеющихся и гордых,
оно смердило, словно трупный гной.

Вдали от яркой жилы становой,
изгрызенной, но всё еще живой,
забитой тромбами ночных отходов —
рекламой, шлюхами и прочим сбродом, —
слепой разврат окраин стороной
дремал, ножами вскидываясь сходу
на шаг малейший пришлого народа,
и тухлой кровью в тухлую же воду
отрыгивал свой жуткий перепой —
псам на прокорм и дьяволу в угоду.

О бедный волк! О город бедный мой!

В аду шурфов с бездонной глубиной
стонал бомжей угрюмых грязный рой.
Чесоткой яростно терзаясь сроду,
в кишках бетонных жил он чуть живой —
не знающий ни солнца, ни свободы,
ни жизни, ни еды иной,
чем тот мосол, что был уже обглодан.
О Божий люд! О экскремент живой!

О бедный волк! О город бедный мой!

На этажах, укрывшись с головой,
дышали дети, сон лелея свой.
Что снилось им? — Осипшие заводы?
притонов смрад? бомжей угрюмый рой?
еда? окраины разврат слепой?
А может, снились солнце и свобода?

Иль волчий смертный разворот крутой
в стремительной атаке без захода?

О бедный волк! О город бедный мой!

Так, в судорогах, бьющих тетивой,
не бодрствовало и не спалося уроду —
так спит собака, видя сны породы
и холод смерти чувствуя спиной.

О бедный волк! О город бедный мой!